

Алла Маллабиу: Привет. Я – Алла Маллабиу.

Зоя Бойцева: Я – Зоя Бойцева.

Алла Маллабиу: Мы – основатели организации «Я тебя слышу». Мы работаем для того, чтобы люди в России знали, как не потерять слух по причинам, которые можно предотвратить, а все глухие и слабослышащие имели равные возможности для комфортной жизни и реализации своего потенциала.

Зоя Бойцева: Это второй сезон нашего подкаста «Не понаслышке» - десять выпусков, в которых мы говорим на темы, важные не только для тех, у кого нарушен слух, но и для людей, у которых сейчас со слухом все в порядке.

По поводу жестового языка до сих пор ломаются копья, потому что многие считают, что жестовый язык учить не нужно, что сами глухие должны говорить. Это устный метод, так учат в университетах. Глухие очень сильно против, потому что это их родной язык – почему они должны говорить устно, если у них есть жестовый язык? Но есть прекрасные эксперты, которые понимают необходимость жестового языка, в том числе необходимость жестового языка для детей, которые слухопротезированы.

Например, как мой ребенок, который прекрасно говорит, который ходит в массовую школу. Но при этом мы понимаем, что случись что – он останется без средств коммуникации, если что-то случится с его речевыми процессорами. У него не останется никаких средств самовыражения, потому что он не знает жестового языка. А учить жестовый язык в Петербурге особо негде. Взрослые еще могут его выучить, но я не слышала, чтобы были курсы для детей. Мне кажется, это очень важно. Если бы мы могли, то мы бы точно учили жестовый язык.

Многие еще боятся, что если ребенка начать учить жестовому языку, то он никогда не заговорит. Но сейчас, как я понимаю, все исследования это опровергают. Наши специалисты и эксперты говорят о том, что бытовые жесты – это классно, давайте использовать бытовые жесты. Мы придем к тому, что жестовый язык будет объявлен молодецким, и его будет полезно и классно учить.

Алла Маллабиу: Об этом мы поговорим с директором «Центра образования глухих и жестового языка имени Зайцевой», доцентом МГЛУ Анной Комаровой.

Алла Маллабиу: Анна, когда появился русский жестовый язык?

Анна Комарова: Вообще жестовое общение появилось тогда, когда двое глухих встретились друг с другом. Это довольно просто. Но если мы говорим о полноценном языке, то здесь говорят о том, что жестовый язык появляется тогда, когда возникает устойчивая группа глухих. Устойчивую группу глухих у нас традиционно связывают с появлением школы глухих. Российская первая школа открыта в Павловске в 1806 году. В принципе именно с этого времени мы можем отсчитывать русский жестовый язык. Среди других национальных жестовых языков я считаю, что русский жестовый язык действительно очень развитый, богатый. Не в том смысле, что русский жестовый язык лучше, а какой-то другой национальный язык хуже. Нет, просто он действительно очень развитый язык, потому что он давно функционирует, у него славная история.

Очень много жестов сохранено еще из первого словаря 1835 года. Он функционирует в совершенно разных сферах жизни.

Он развит, у него очень развита грамматическая система. Поэтому я считаю, что нам нужно гордиться русским жестовым языком. Но когда я сказала про первый словарь 1835 года, который был создан Флери, это замечательная вещь. Это фактически первая запись жестов современного русского языка, потому что там практически 70% жестов либо не изменились, либо мы знаем, как они изменились. И мы знаем истоки современных русских жестов.

Но мы знаем, что ее было жестовое общение в Москве – в воспитательном доме, который был открыт благодаря усилиям императрицы Марии Федоровны, где воспитывались обычно дети бедных семей или дети-сироты, в том числе были группы глухих и мальчиков, и девочек. Эти группы существовали долгое время.

Мы точно знаем, что не меньше 30 лет, а скорее всего больше 30 лет. В Московском воспитательном доме наверняка был жестовый язык, потому что есть записи, что воспитатели общаются с глухими мальчиками и глухими девочками жестами. Просто какие это были жесты – мы не знаем. По-видимому, они уже не сохранились.

Алла Маллабиу: Расскажите, пожалуйста, как развивались школы для глухих? Почему жестовый язык пропал из школ?

Анна Комарова: Не совсем так. Не надо думать, что во всех школах начинали именно с жестового языка. Ведь хорошо известно, что был парижский мимический метод и был немецкий устный метод. Иногда его называли чисто устный метод обучения – он связан с именем немецкого сурдопедагога Самюэля Гейнике, который считал, что самое главное – это форма. Вообще за двумя подходами – за мимическим методом или за использованием жестового языка в обучении и отрицанием важности жестового в обучении.

Отрицанием важности жестового языка в обучении лежат философские теории, мимический метод – это философия просвещения. А немецкая философия – это идеалистическая философия канта, который считал, что самое главное – форма. Именно поэтому Самюэль Гейнике считал, что мысль можно выразить только посредством слова. И что развитие мышления возможно только на основе словесной речи.

Французские просветители считали наоборот, что жест – это тот естественный дар, который мы получили от природы. Они считали, что на жестах невозможно лгать. У них были такие наивные представления. Поэтому в середине XVIII века параллельно развивались два направления. Одно было на основе жестового языка – это аббат де л'Эпе во Франции и все школы, который потом переняли метод аббата де л'Эпе. Второе – немецкий метод, который отрицал само использование... в начале частично использовалась дактилология, а потом и дактилологию они стали отрицать. Таким образом возник чисто устный метод.

Это было практически в одно и то же время – и аббат де л'Эпе и Гейнике. Они переписывались друг с другом и использовали довольно резкие выражения относительно и лично друг друга, и тех методов обучения, которые они отстаивали. Поэтому нельзя сказать, что все школы изначально были построены исключительно на жестовом языке, но очень многие из них. Если проследить развитие этих школ, то ни развивались по одной модели.

В начале – полное приятие жестового языка. Благодаря большому количеству жестового языка было возможным расширить программу обучения. Это были серьезные академические предметы. На основе жестового языка можно передать абсолютно всю информацию за относительно короткие сроки. Это были иностранные языки, сложная математика, география, теология, история... Потом в школах принимали на работу учителей – самых лучших бывших учеников школ. Появлялись школы, которые открывали сами глухие. Если учитывать уровень образования в среднем – как в Европе, так и в других странах, то глухие, обучавшиеся в этих школах, были очень образованными людьми. Потом возникла тенденция – это было связано с влиянием не философии Канта, а философии дарвинизма. Теория эволюции оказала непосредственное влияние на развитие и обучение глухих. Сурдопедагоги также пришли к мысли о том, что жестовое общение находится на эволюционной ступеньке ниже, чем общение словесное. Поэтому в школах моментально появились классы «говорящих глухих» и «неговорящих глухих». В них ее какое-то время оставался жестовой язык как средство обучения, но потом и глухих преподавателей, и сам жестовый язык были изгнаны из школы. Основное обучение перешло на словесный метод обучения.

Вот что интересно: как только убирается жестовый язык, содержание обучения резко сокращается, ухудшается. Остаются самые базовые предметы, нет никаких сложных академических предметов, потому что невозможно без жестового языка передать больше количество интересной и сложной информации, знаний на основе только словесной речи. Великий Лев Семенович Выготский считал, что развитие мышления у глухого ребенка и любого ребенка возможно и на основе жестовой речи, потому что жестовое общение – это полноценное общение, это полноценная лингвистическая система, на которой может развиваться мышление и личность.

Я считаю, что использование жестового языка в обучении не просто оправдано, оно должно быть использовано абсолютно во всех случаях. Неважно, какой метод обучения выбирают родители. Неизвестно, как сложится дальше судьба глухого ребенка, а знание любого языка еще никогда никому не мешало.

Зоя Бойцева: Кому нужно учить жестовый язык?

Анна Комарова: Британские ученые обнаружили что у тех людей, кто владеет хотя бы одним национальным жестовым языком, на пять лет в среднем позже наступает деменция. Поэтому я призываю учить жестовые языки абсолютно всех, исключительно ради нашего интеллектуального здоровья. Но если говорить серьезно, то в первую очередь жестовый язык нужен родителям глухих детей. Безусловно все сурдопедагоги, несмотря на то, на какой метод обучения они опираются.

Человек, который приходит в школу для глухих или который работает с глухим ребенком, должен понимать язык, на котором этот ребенок разговаривает. Ты можешь сам не использовать жестовый язык, но ты обязан понимать, о чем говорят между собой глухие дети. Когда мы открыли лингвистическую гимназию, то автоматически мы начали каждую пятницу преподавать жестовый язык слышащим родителям.

У нас была одна ученица, у которой были глухие родители. Она общалась с родителями на жестовом языке. Ее родителям жестовый язык был не нужен, но у нее были обожаемые бабушка и дедушка. Ее бабушка стала ходить на занятия жестовым языком каждую пятницу. Однажды ее глухой сын, отец этой девочки, пришел забирать

дочь из школы. Он случайно перепутал класс, открыл дверь – и увидел, как его родная слышащая мама на занятиях жестовым языком, что-то рассказывает на жестах преподавателю. Когда он увидел это, он опешил или так растерялся, что заплакал. Когда Галина Лазаревна Зайцева подошла к нему и спросила: «Что случилось?» Он был настолько переполнен эмоциями, что сказал только: «Ну почему же моя мама не делала этого, когда я учился в школе и был маленьким? Как бы это все изменило». Тем не менее он благодарен ей за то, что хотя бы по отношению к своей внучке она изменила мнение к жестовому языку.

Алла Маллабиу: Мы знаем, что средства слухопротезирования совершенствуются, становятся лучше, мощнее, умеют все больше и больше. А нужен ли жестовый язык в таких условиях?

Анна Комарова: Да, они становятся все лучше и все качественнее. Мы все время вынуждены выбирать: или хороший слуховой аппарат или жестовый язык. Но кажется, что вот это противопоставление абсолютно неоправданно. Почему ребенку с кохлеарным имплантатом или с хорошим слуховым аппаратом может мешать жестовый язык? Ведь никто не знает, как сложится судьба ребенка в дальнейшем, какой путь он выберет. Если ребенок с хорошим слуховым аппаратом, то мы не знаем, насколько может измениться его слух. Но дело даже не в этом.

Мы знаем, что слуховые аппараты могут быть абсолютно идеальные, так же как и кохлеарные импланты. Может ли ребенок с самым отличным слуховым аппаратом или с хорошим кохлеарным имплантатом свободно ориентироваться в гамме, в многоголосии звуков. Когда речь идет о дискуссии, о споре в школах. Именно про образование говорю, даже не про обычную жизнь.

Очень многие школьные современные педагогические подходы построены на участии в дискуссии, на спорах, в которых рождается истина. И когда в таком многоголосии участвует много разных людей, человеку с кохлеарным имплантом, со слуховым аппаратом участвовать действительно тяжело, очень сложно. Как раз для таких ситуаций идеальной могла бы быть жестовая речь. В каком возрасте легче всего овладевать языком? Шесть месяцев или в год? Или в 14-15 лет?

Для своих сверстников из глухих, которые естественным путем овладели жестовым языком либо с родителями, либо в младшей школе. Дети с кохлеарными имплантами, чьи родители «оберегали» от жестового языка до их подросткового возраста, они всегда будут немножко не такими. Они всегда будут те, для кого жестовый язык – не совсем естественное общение.

Это как с любым человеком, который изучает любой другой язык уже во взрослом возрасте. Есть разные данные. Считается, что до 12 лет еще туда-сюда ничего, если тем более быть погруженным в среду, то можно овладеть языком, практически, как родным. Но во взрослом возрасте почти всегда на тебе будет печать, что для тебя этот язык – второй язык.

И не надо думать, что он увидит жесты и больше не заговорит. Это абсолютная неправда. Наоборот, дети прекрасно знают, в каких случаях надо говорить голосом, в каких случаях можно использовать жесты. Не надо бояться, что жестовый язык вытеснит словесное общение. Это не так. Это не правда. Свидетельства разных детей билингов это только подтверждают.

Алла Маллабиу: Многие специалисты рекомендуют сначала развивать у ребенка словесную речь, устную речь, и лишь потом обращаться к жестовому языку. Как вы к этому относитесь?

Анна Комарова: Я никак не могу согласиться с этим утверждением. Сейчас достаточно широко распространен опыт использования настоящего жестового языка, национального жестового языка со слышащими детьми слышащих родителей на самых ранних этапах обучения. Это оправданно многими факторами. Один из факторов – это то, что у обычных слышащих детей голосовой аппарат недостаточно сформирован к общению, а желание, потребность общения уже есть.

Удовлетворить эту потребность к общению возможно в значительно более раннем возрасте. Это можно начинать, фактически, общаться с ребенком с использованием жестов уже с шести месяцев. И вы увидите, как к месяцам восьми у него вдруг появятся совершенно осознанные значимые жесты, которые помогут вам понять его желания, его настроения. Ваш ребенок может выразить себя. И вы увидите, какое это счастье – это быть понятым. Поэтому, как он радуется, что его понимают, и что он понимает то, что будет происходить с ним.

Дайте возможность ребенку развиваться так, как ему удобно, как ему нравится. Это будет большой плюс для развития ребенка. Посмотрите на пример развития глухих детей из семей глухих. Не зря Марк Маршак, американский психолог, писал, что в среднем глухие дети из семьи глухих до пяти лет значительно опережают слышащих детей из семей слышащих. Именно за счет того, что им доступна абсолютно вся информация в мире на жестовом языке, что помимо этого у них хорошо развита моторика, у них развивается пространственное воображение. И, действительно, опережают своих сверстников.

Есть свидетельства того, что и фразовая речь на жестовом языке появляется раньше, чем фразовая речь на словесном языке. Ни для кого не секрет, что часто глухие дети, которые ходят в традиционный детский сад, где им запрещают общаться между собой на жестах, они выходят после освоения дошкольной программы с каким-то запасом отдельных жестов, но фразовая речь у них не развита вообще.

Они поступают в первый класс, зная, в чем отличие синички от трясогузки, и могут даже подобрать соответствующую карточку картинки трясогузка-синичка, но не могут сказать элементарно повару, что котлеты были очень вкусные или «Мама, когда мы поедем на Черное море опять?».

То есть не надо лишать ребенка удобного способа общения. И не надо бояться жестового языка. Нет никаких фактов, нет ни одного исследования, которые бы доказывали, что ребенок, который начинает свое общение на жестовом языке, потом отказывается от общения на словесном языке. Словесной речи всегда найдется свое место. Главное, чтобы ребенку было, что сказать. Как только у него развивается, как только он познает мир, но удобно ему на жестовом языке, ему сразу захочется поговорить со своими слышащими братьями и сестрами.

Поделиться с ними на том языке, который будет общим языком для их общения. Когда мы ограничиваем ребенка от мира глухих, мы лишаем его большого пласта традиций, культуры, знаний. Я думаю, что надо давать детям максимальный выбор.

Алла Маллабиу: Что делать родителям, если коммуникация ограничена?

Анна Комарова: Большая проблема. Это трагедия для родителей, если их ребенок общается со своими сверстниками на жестовом языке, а родители в свое время как-то не подумали о том, чтобы овладеть жестовым языком для полноценного общения со своим ребенком. И ребенку уже 12-13 лет, 14 лет, и ты чувствуешь, что ребенок отдаляется от тебя, что он общается свободно со своими сверстниками. А ты, папа или мама, ты хочешь, чтобы он от тебя не уходил, ты не хочешь, чтобы он от тебя отдалялся, а твоих жестов хватает на какое-то: «Чай горячий. С сахаром или без сахара?». Это, действительно, проблема, потому что ели в Москве получить возможность научиться жестовому языку на курсах, в Петербурге тоже, то далеко не во всех городах России такая возможность есть.

Но, во-первых, если родители не отгораживаются от жестового языка, если они принимают жестовый язык, поверьте, ваш ребенок наверняка это оценит. Он оценит то, что он всегда старался говорить голосом, чтобы его поняли вы и поняли ваши друзья, и ваши соседи. Но он будет испытывать невероятное счастье, когда почувствует, что родители тоже начали идти навстречу ему и пытаются овладеть языком, в котором он чувствует себя наиболее комфортно.

Если у вас нет каких-нибудь курсов в вашем городе, хороших курсов, я бы обратилась в Сообщество глухих и поискала кого-нибудь из доброжелательных глухих с педагогическими талантами, чтобы вас обучили жестовому языку. Но даже если это нереально, может быть, у вас много других детей, у вас есть обязанности, у вас, практически, совсем нет времени, – просите вашего ребенка: «Научи меня». И когда ваш ребенок почувствует, что вам это действительно интересно, что это не просто так – ваш мимолеетный интерес, тогда возможно создание такой удивительной домашней, хорошей, комфортной среды доверия, что может преодолеть любые преграды, в том числе коммуникативные.

Алла Маллабиу: Анна, как вы оцениваете уровень образования глухих и слабослышащих?

Анна Комарова: Сложный вопрос. Не хотелось бы всех грести под одну гребенку или все однозначно мазать черным цветом. В среднем, я оцениваю уровень образования для глухих и слабослышащих в нашей стране, как низкий. Причин я вижу здесь достаточно много. Одна из причин – это низкий уровень ожидания со стороны сурдопедагогов. У них есть такой подход: «А, он глухой. Он же совсем глухой. Что он может?». Что он может? Он может очень много. Если начинать рано, то глухой ребенок будет ничуть не хуже развитого слышащего ребенка. Он никогда не будет отставать в развитии.

Поэтому, в целом, часто глухой или слабослышащий по окончании школы не умеет элементарно написать какое-то заявление, не умеет добыть информацию из СМИ, из газеты. То есть чему их учили 11-12 лет, не понятно. К сожалению, многие учителя подменяют само понятие «обучение» просто сидением на уроках, заставляют детей переписывать с доски. И само это обучение приобретает абсолютно формальный характер для галочки.

Дети прекрасно понимают, что информацию о жизни, о мире они познают вне урока. Уже точно не на уроке, а среди своих либо одноклассников, скорее всего, старших глухих школьников. Поэтому, увы и ах. Проблем в современной школе много, но это не значит, что нужно закрывать специальные школы для глухих детей. Я не могу причислить себя

к ярким сторонникам инклюзивного образования. Я считаю, что хорошая специальная школа – это отличное место для глухого ребенка, для слабослышащего ребенка.

Но хорошая спецшкола. Когда я говорю о хорошей спецшколе, я считаю что при нормальном подходе к раннему обучению, к раннему развитию глухих и слабослышащих, когда мы не допускаем ни малейшего отставания в когнитивном и личностном развитии по сравнению со слышащими детьми, начиная буквально с нулевого возраста. Глухие дети не должны отставать. Чтобы у них было развитие, неважно на каком языке – на словесном или на жестовом. Ясно, что на жестовом это сделать значительно проще и естественнее.

Уже с первого класса дети могут учиться по таким же программам, как учатся обыкновенные слышащие дети. Можно исключить такие предметы, как музыка. Опять же, ритмика – почему бы и нет для слабослышащих. Или аудирование для иностранного языка. В целом, совершенно не обязательно иметь специальные учебники. Нужно обычную информацию представлять детям просто визуально. Неважно, как это вы будете делать, но максимально комфортно для глухого ребенка. И тогда мы можем вернуться к нормальному уровню обучения глухих.

Это основное, что, я считаю, уровень образования очень низок сейчас в школах глухих и слабослышащих. Я не считаю это достаточным основанием к закрытию специальных школ. Потому что во многих случаях специальные школы сохраняют ту уникальную среду общения для глухого ребенка. Они очень помогают в его социализации. Страх перед спецшколами – это скорее страх родителей, но не самих глухих детей.

Алла Маллабиу: Как вы считаете, что нужно сделать, чтобы выросло качество образования, и чтобы глухие могли получать достойную работу?

Анна Комарова: Я не буду оригинальной. Я повторюсь еще раз. Много зависит от детства, от раннего вмешательства и ранней помощи. Я считаю, чем раньше мы будем заниматься развитием глухого ребенка, чем раньше будем использовать жестовый язык, тем лучше будут результаты. Самое главное – не допускать отставания в развитии. Надо предъявлять к глухому ребенку точно такие же требования, как слышащему. Потому что глухой ребенок не инвалид. Он точно такой же ребенок, как и слышащий. Просто он развивается, возможно, на другом языке. То, что ему недоступен мир звуков, это вполне можно компенсировать за счет других источников информации. И это абсолютно реально.

Программы в школах должны быть точно такие же, как программы для других слышащих детей, уж никак не хуже. Потому что современная школа для слышащих детей тоже не отличается, в среднем, высоким уровнем образования. Просто не ограничивать своего глухого ребенка, не мешать. Глухие дети могут абсолютно все. Но самое главное – не терять эти драгоценные детские годы и развивать ребенка как можно больше. Поверьте мне, жестовый язык ни в коей мере не помешает словесному развитию глухого ребенка.

Конечно, если у него будут глухие педагоги, талантливые глухие педагоги и педагоги, которые откроют вашему ребенку мир чтения книг – это будет огромный прорыв. За счет чтения и общего личностного развития у ребенка потом могут быть покорены любые вершины: как и университеты, именно не какие-то кастрированные программы специально для детей-инвалидов, а они могут учиться точно так же – наравне со слышащими студентами и быть конкурентоспособными на рынке труда. Корни здесь в

детстве и, в целом, в отношении к глухим, как к равным. Потому что они могут сделать все.

Алла Маллабиу: Это был подкаст «Не понаслышке». Над подкастом работали основатели организации «Я тебя слышу» и я, Алла Маллабиу.

Зо Бойцева: Я, Зоя Бойцева.

Алла Маллабиу: А так же команда подкаст-студии «Две дорожки».

Зоя Бойцева: Проект реализован при поддержке Фонда президентских грантов.